

А.Н. ТОЛСТОЙ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Ю.Л. ОБОЛЕНСКОЙ И К.В. КАНДАУРОВА

Документальное наследие (около 3000 ед. хр.) Ю.Л. Оболенской и К.В. Кандаурова, основу которого составляют дневники и письма, – обширный и многоплановый информационный ресурс по истории русской культуры, дающий возможность уникальной исторической реконструкции каждодневной жизни творческой интеллигенции первой четверти XX века.

Сложность изучения этого корпуса документов в том, что он, во-первых, оказался рассредоточенным по трем крупным архивохранилищам – ГЛМ, ГТГ и РГАЛИ. Во-вторых, его освоение требует глубокого погружения в историю двух главных действующих лиц, сквозь которую просматриваются сюжеты и подробности, касающиеся их известных современников¹.

Из исследователей творчества А.Н. Толстого первым к вышеназванному эпистолярию обратился Г.Н. Кирьянов, опубликовав фрагменты из хранящихся в ГЛМ черновых материалов к биографии Кандаурова, подготовленных Оболенской в 1941 году.² Однако вступительная статья и едва обозначенный комментарий к этой публикации недостаточны с точки зрения фактографии и биографических данных. Комплексное изучение архивных и литературных источников позволяют более полно представить историю взаимоотношений Толстого и Кандаурова в сложном взаимодействии их дружеского и семейного окружения в период 1911-1916 годов.

Юлия Леонидовна Оболенская – петербурженка (к княжескому роду она отношения не имела), представительница молодого поколения художников, чье становление пришлось на начало 1910-х годов. Как и С.И. Дымшиц и Н.В. Крандиевская она была ученицей художественной школы Е.Н. Званцевой (Званцовой) в Петербурге. Сохранился текст доклада Оболенской в ГАХНе

(1927) об этой школе, где среди своих преподавателей она называет Л.С. Бакста, М.В. Добужинского и К.С. Петрова-Водкина.

В июне 1913 Оболенская знакомится с Константином Васильевичем Кандауровым – человеком искусства, театральной повадки, устройтелем выставок – «московским Дягилевым», как называл его Волошин. Он стал для нее другом, наставником, поводырем в мире искусства, увлекательным собеседником, наконец, самым близким и дорогим человеком. Отношения развивались трудно – Константин Васильевич вдвое старше, женат. После трехлетней переписки, встреч в Москве, Петербурге, Коктебеле, Юлия Леонидовна вместе со своей семьей в начале 1916 перебирается в Москву. Однако это не означало брака с Кандауровым. У них была совместная мастерская в квартире Оболенских на Тверской. В квартире же Кандауровых на Большой Дмитровке, называемой «Ноев Ковчег», где какое-то время проживала и Дымшиц-Толстая с дочерью Марьяной, шла своя жизнь.

В это время Кандауров выступал как организатор и устроитель художественных выставок, занимался этим увлеченно и страстно, поддерживая художников, выискивая новые имена и таланты, помогая им «сделать имя», а часто и страдая от их неблагодарности или дурного нрава. Оболенская пишет об этом довольно подробно, а у Толстого есть шуточные стихи на ту же тему:

Ходит Костя зол и дик
Испитой у Кости лик:
«Не художники, а черти,
С ними я устал до смерти»

«Это шутки – мажь да мажь,
Вот устрой-ка вернисаж,
Да ругайся, да клянись,
Ох мне Водкин попадись!»³

Жизнь Кандаурова была тесно связана с театром – около тридцати лет он служил в Малом театре, заведывая осветительной частью. Отсюда прозвища – «огонек», «уголек» – данные ему Толстым не только за его живой, общительный характер, но и за эту его «театральную» профессию.

В статье «Моя первая пьеса» (1924) Толстой написал о своем давнем друге, который «с незапамятных времен (с 1897 – Л.А.) заведовал в Малом

театре солнцем и луной, грозой и бурей»⁴ и которому писатель был обязан постановкой своей первой пьесы «Насильники» (1913). В библиотеке Кандаурова сохранились страницы с текстом произведения из журнала «Заветы» (1913. № 1), где оно было впервые опубликовано, с надписью: «Милому Косте, пугателю и ламповщику от ошельмованного и обруганного им несчетное количество раз автора. 15 ф. 1913 г.»⁵

Однако своей «технической» службой в театре Кандауров с годами все более тяготился, мечтая полностью отдать себя выставочной деятельности и занятиям искусством. Часто встречаемое именование его художником-декоратором Малого театра (а иногда – и «режиссером»⁶) не совсем точно. Тем более, что живописью он начал заниматься под влиянием Оболенской и многого не достиг – около сотни этюдов указывает он в списке своих работ (1925).⁷

Кандауров хорошо знал мир театра, умел остроумно и весело рассказать о закулисной жизни, привычках знаменитостей, всевозможных театральных курьезах. В его квартире при Малом театре бывало множество народа, многие любили его искренне и без фальши. Толстой в своей статье называет Константина Васильевича «живым архивом театра» и дает иронично-нежный его портрет: «Всех в театре – директора, актеров, режиссеров и рабочих на сцене – он считал превосходнейшими людьми и страшными чудаками. Когда он замечал в ком-нибудь чудачество, то начинал любить этого человека, от души потешался и оказывал ему тысячи услуг. На этом основании мы с ним очень подружились».⁸

Предположительно, Толстой и Кандауров познакомились весной 1911 года в доме Волошина в Коктебеле. 25 мая 1911 в одном из своих писем Кандауров писал: «Очень было занятно с Толстым и Максом»⁹. Следующим летом Толстой с женой вновь в Крыму, откуда при участии обитателей волошинского дома посылает Кандаурову письмо-открытку: «Имею часть довести до Вашего сведения, что в Киммерии все благополучно и по местам (и весело!)».¹⁰ Далее он перечисляет участников «Киммерийского Олимпа», где

себя именует «Валерьяном Самцовым», а Софью Дымшиц – Сивиллой Карантинной.

В 1912 именно Кандауровы помогли Толстым перебраться в Москву, подыскать квартиру в доме на Новинском бульваре, поселив их на какое-то время у себя – в квартире при Малом театре. И наоборот, летом 1914, после пожара в Малом театре, когда жена Кандаурова, Анна Владимировна, чудом спаслась из огня, погорельцы получили пристанище у Толстых. Иначе говоря, Толстые и Кандауровы дружили семейно, часто бывая друг у друга в гостях. В дневнике писателя есть несколько записей, посвященных друзьям, где нашли отражение приметы семейной драмы Кандауровых: «Вообще описать Анну Владимировну. Припомнить вечеринку у них. Как она меняла банты. Как краснела под всеобщими взглядами. Как Костя, сидя на углу стола, скалился во весь рот, вертя цепочку, вдруг хохотал деревянным смехом. Тяжко, утомительно, беспокойно женщине в 40 лет»;¹¹ «Вечером я и Костя в комнате – говорили. Стук. Аня почувствовала скверно. Наконец плачет. ”Зачем все ушли, оставили меня”. ”Кто все, Аня?” – ”Алексей и другие, их много было”. Перебежала, села на другой стул, – ”их было много. С длинными руками!” Костя повторял только – ”Аня!”».¹²

Пик отношений Толстого и Кандаурова приходился на лето и осень 1914, когда возник сложный клубок взаимочувствований между семейством Кандауровых, включая племянницу Константина Васильевича – Маргариту Павловну, – Оболенскую, с одной стороны, и Алексея Николаевича, Софью Исааковну Дымшиц-Толстую и, отчасти, Наталию Васильевну Крандиевскую, с другой. В эту сложную любовную композицию были вовлечены многие другие участники, прежде всего, Волошины, Цветаевы, Эфроны. Основное место действия и катализатор событий – Коктебель с его вулканом страстей у подножья Карадага.

Летом 1914 дом Максимилиана Волошина стал местом, где разбивались сердца. А начиналось все довольно весело, во всяком случае, расписывая кафе

«Бубны» и легко флиртуя друг с другом, Толстой и Оболенская, оставили на стене веселую надпись:

Шипит вулкан и плещет сажа
 В землетрясенье Коктебель
 И никого из экипажа
 Живым не выбросит на мель.¹³

Темой для рисунков послужил приказ феодосийской полиции, где было предписано «купаться лишь в костюме, соответствующем своему назначению».

Поэтому на стене появились, в качестве регламентированных «положительного» и «отрицательного» примеров, водолаз и господин в бобровой шубе.

Другая пара персонажей-антиподов выглядела так: элегантный господин в панаме, белых брюках, с цветочком в руке и подписью: «Нормальный дачник, друг природы, – Стыдитесь, голые уроды» (автор рисунка и текста А.Толстой) и Волошин в рубашке с голыми ногами и мешком за плечами с его же «автохарактеристикой»: «Бестыжий Макс; он враг народа! Его извергнув, ахнула природа!». Толстой попал на стену в исполнении Оболенской: «Прохожий, стой! Я – Алексей Толстой!»¹⁴

В мае, когда расписывались «Бубны», отъезд Софьи Исааковны еще не предвещал, по крайней мере, для окружающих, ее окончательного расставания с Толстым, а только что приехавшая в Коктебель Оболенская «с настроением как у щенка на солнце» беспечна и радостна в ожидании предстоящего свидания: «Первый, т.е. следующий день был великолепен: я оделась с утра потеплее и пришлось постепенно разоружаться. Встала в 6 час. (в 8 1\2 бужу Толстого, он уверяет, что так: «вставай, Алешка-мерзавец» – но мне все-таки кажется, что не так) бродила у моря в состоянии совершенного счастья – как это несложно оказывается!»¹⁵

В черновом наброске воспоминаний Оболенская отмечает, что в отсутствие жены Алексей Николаевич возбуждал «поголовное увлечение местных дачниц и яростную зависть ко мне (только и слышишь от него: ”Юленька, Юленька”»)¹⁶ До приезда Кандауровых она действительно много времени

проводила с писателем, но затем ситуация изменилась. Под предлогом работы над портретом Константина Васильевича художница и ее «модель» все чаще уединялись вдвоем, что, видимо, не нравилось Толстому. Оболенская вспоминает, что однажды «Толстой опрокинул К<онстантина> В<асильевича> в море, и я подралась с ним – он бил больно, как расшалившийся мальчишка».¹⁷ Это, конечно, не дуэль на Черной речке, но момент соперничества, реакция на неожиданный проигрыш, все же, присутствует.

В июне-июле события развернулись совсем неожиданным образом. В письме Оболенской М.М. Нахман от 9 июля сюжеты наслаиваются один на другой, походя на сценарий любовного сериала: «Марина с Асей¹⁸ <...> перессорились со всеми дачниками, с Макс<имилианом> Алекс<андровичем>, дерзили, грубили, создали тьму сплетен»; у самого Волошина тяжелые отношения с матерью и с Майей Кювилье, мучающей «истериками, потоплением»; Толстой, влюбившись в Маргариту Кандаурову, «потерял голову, угрожая и без того обезумевшей Анне Вл<адимировне>, что застрелится, если она будет (в качестве тетки) мешать ему; ходил с револьвером...»¹⁹

У всех на виду роман Оболенской с Кандауровым, которого жена увозит в Феодосию. Он возвращается обратно, и здесь уже угрозы самоубийства и попытки их воплощения последовали со стороны Анны Владимировны. Все это безумие закончилось грандиозным скандалом и разездом гостей, причем сам хозяин дома надолго уехал за границу. В конце ноября из Швейцарии он писал Оболенской: «У меня от этого лета осталось глубокое сознание своего бессилия... Мы все точно в каком-то предрассветном сне томились и не могли проснуться».²⁰

У Толстого это лето отзовется в прозе, в романе «Хождение по мукам», над которым он будет работать в эмиграции: «...Легкомыслие и шаткость среди приезжих превзошли всякие размеры <...> По всему побережью не было ни одной благополучной дачи. Неожиданно разрывались прочные связи. И казалось, самый воздух был полон любовного шепота, нежного смеха и

неожиданной чепухи, которая говорила на этой горячей земле, усеянной обломками древних городов и костями вымерших народов. Было похоже, что к осенним дождям готовится какая-то всеобщая расплата и горькие слезы».²¹

Июльские строки Юлии Леонидовны грустно-насмешливы и характерологически точны: «Было легче оттого, что у всякого было свое, и однажды, когда мы все сидели на балконе: Макс<имилиан> Ал<ександрович>, Толстой, я – мы посмотрели друг другу в глаза и рассмеялись в первый раз, ничего не объясняя друг другу, и только Толстой сказал: ”Вот что значит ”Бубны” расписывать!”».²² Его любовное увлечение было еще в самом разгаре.

Маргариту Павловну Кандаурову, дочь младшего брата Константина Васильевича, служившего в Большом театре, мемуаристы, а вслед за ними и многие биографы Толстого, «запомнили» семнадцатилетней, хотя в это время ей на два года больше. Образ девушки размыт, воздушен и совершенно бесплотен: она будто создана для любования, «цветок» и «лунное наваждение», как называет ее Толстой. В связи с этим еще один «рефлекс» темы «лунной девы» видится в названии написанной в Коктебеле пьесы «Геката», где имя древнегреческой богини лунного света олицетворяет собой все таинственное и связанное с душами умерших.

Отъезд из Крыма слегка остудил сердца и головы, но разрушения, произошедшие на «Киммерийском Олимпе», оказались необратимыми. Их последствия еще долго будут обсуждаться в московских и петербургских квартирах и в письмах, связывавших многих участников. Важно и то, что через свое личное, повседневное они сумели уловить, почувствовать глобальные исторические изменения – настоящие и будущие. «Какая цепь несчастий у всех, – пишет Оболенская Кандаурову 10 сентября 1914. – И то, что с нами происходит, я убеждена, имеет более глубокие корни, чем отдельная воля. Посмотри, сколько разрушилось семей – мой брат, Толстые, а сколько я вижу других, кого ты не знаешь. И новое вырастает из какой-то мировой глубины, м<ожет> б<ыть> связанное где-то с войной, с какими-то неизвестными переживаниями. <...> По правде сказать, трудно заниматься

искусством, когда оно сейчас и вместе с людьми летит на воздух – соборы и музеи – так все хрупко».²³

Толстой отправился военным корреспондентом на фронт, унося с собой смуту нерешаемых отношений с Маргаритой : «... я люблю очень странную и таинственную девушку, которая никогда не будет моей женой».²⁴ Перед отъездом он дарит свой портрет работы Н.Ульянова Кандаурову с надписью, которую Оболенская приводит по памяти: «Дорогой Костя, уезжая на войну, увожу с собой твою золотую улыбку. Когда лягу на поле брани с свинцом в груди, передай кому следует мой прощальный привет и поцелуй. Да здравствует русская армия! Ура!!»²⁵

Осенью Толстой завершит пьесу «День битвы», которая начинается с обращения: «Маргарита, пройдет много лет и будут говорить, что наш народ в героические дни мировых битв поднял оружие на самого страшного из врагов – на демонов уныния <...> Пройдут наши дни, улягутся бури, и тогда Радость станет царственной и всемогущей; нужно верить в ее царство и знать, что путь к ее золотым воротам – Любовь».²⁶ Адресат, как и назидательный пафос этой речи, понятен. Главная героиня пьесы носит то же имя – Маргарита, а польская фамилия «Каменецкая» воспринимается как «говорящая» и только усиливает узнаваемость прототипа. «Маргарита, помните лунные ночи на океане? – обращается к ней русский офицер Нечаев. – ...Вы точно сошли тогда из лунного света. Вы точно слетели ко мне оттуда. Я схожу с ума, Маргарита!»²⁷

И внешность своей возлюбленной Толстой «подарил» героине пьесы: «У нее большие синие глаза; лицо бледное, – когда она задумывается, оно становится печальным; прекрасный, почти детский рот, прямые трагические брови».²⁸ Синие – кандауровские – глаза Оболенская не раз отмечала в письмах и как любящая женщина, и как живописец. В толстовском описании они не менее завораживающи: «У нее такие мечтательные, такие очаровательные синие глаза, что мне кажется – о чем бы она ни заговорила, – о вас, например – кажется, что вы должны быть действительно необыкновенным человеком, раз о вас думают такие глаза».²⁹

Но чудесная девушка, хотя и считалась той осенью невестой писателя, тревожила Толстого эфемерной неразвитостью своих земных чувств, заставляя сомневаться в ее любви: «Мне кажется, что Маргарита совсем не любит меня, ей не нужна моя любовь. За все время я не получил от нее ни строчки, не знаю, здорова ли она, почему она не может исполнить такой пустяшной просьбы, как прислать мне образок на шею Иверской Божьей Матери, я очень хотел бы его иметь»³⁰, – писал он Кандаурову с фронта, прося Константина Васильевича помочь племяннице с выбором. Если не любит – пусть просто скажет об этом. Однако, как следует из дальнейших перекрестных писем, не Маргарита отказала Толстому, а сам Алексей Николаевич, так и не придумав, «как уложить в форму брака» свое «лунное наваждение», принял такое решение. Роль принца из балета «Жизель» ему не слишком подходила, и он сам это понял прежде, чем сочувствующие ему «зрители» изменили свое отношение к герою. Интересна реакция свидетелей и участников событий: «страдающий» Толстой был им милее, чем снова жених, но уже другой женщины.

«Маргарита, с глубоким чувством приношу вам эту небольшую книгу, в ней собрана большая часть того, что я видел за две поездки на места войны, – писал Толстой, посвящая вышедшие в самом начале 1915 года очерки «На войне» Кандауровой.³¹ Таков литературный финал красивой и немного грустной истории о девушке-цветке, «фее кукол» и «фее канареек». Впрочем, в будущей кукольной сказке Толстого, возможно, мелькнет и ее тень.

Непосредственные отклики на большие и малые события лета 1914 – начала 1915 годов представляют собой эмоциональное многоголосие, придающее документальной хронике выразительные черты – реальности и почти литературного сюжета:

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 19 июля 1914. Москва.

Моя дорогая! Сегодня получил твое письмо, спешу тебе ответить, но не знаю, дойдет ли это письмо. Начну с дороги: сел в Феодосии, почти рыдал, на другой день тоже и только теперь пришел в себя.

Сегодня узнал от Алеши ужасную вещь, т.е. что Кузьмина-Караваяева, приехав из Анапы, спросила: «Что случилось с Ан<ной> Влад<имировной>? Как уже умерла и больше не живет – на ней печать смерти...» Это ужасно! Я в ужасе от грядущего дня <...> Мне отказывают в помощи как пострадавшему от пожара, и потому я снял маленькую, но уютную квартиру <...> Что у нас делается в Москве – описать не могу. Толстой едет военным корреспондентом в северную армию от «Русских ведомостей» <...> Мы на краю крупных событий внутри России и в Европе <...> В окоп<ах> слышна Марсельеза, а потом – спаси Господи, люди твоя <...>

Толстой тебе кланяется и просит расцеловать ручки <...>³²

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 23 июля 1914. Москва.

<...> Весь двор и государь будет жить в Москве. Приедут в субботу. Во имя нашей любви ты будешь себя беречь и дашь мне бодрость пережить этот тяжелый год. Толстой женится на Маргарите и обещал мне быть с ней бережным<...>³³

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 2 августа 1914. Москва.

<...>Мы пока живем у Толстого и будем жить, пока не приведем все в порядок. Сегодня приехала Соня за вещами и паспортом. Они разошлись друзьями. Соня похудела и, должно быть, очень страдает<...>³⁴

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 7 августа 1914. Москва.

Радость моей жизни! Я опять получил от тебя два письма в один день <...> Не унывай, что не можешь работать, т.к. есть много причин, не зависящих от нас. В настоящий момент мало кто может спокойно мыслить и работать. Все смутно понимают, что идет обновление и новый ослепительный свет зальет нашу жизнь. Новый дух, новое творчество и новые идеи озарят нашу жизнь. Как я жду, как хочу жить и работать! <...> Я все еще ночую у Толстых. Сегодня Соня едет окончательно в Петербург<...>³⁵

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 8-9 августа 1914. Москва.

<...>Господи! Как хорошо, что ты мне много пишешь. Соня вчера уехала в Петербург. Алехан ищет маленькую квартиру и переедет, как найдет. О себе могу сказать, что думаю о тебе и день и ночь. Труден путь, да милостив Бог!
<...>³⁶

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 14 августа 1914. Москва.

Моя дорогая! Ты так засыпаешь вопросами, что ответить на все ужасно трудно <...> Я не хотел смотреть портрет³⁷, пока не будет готова рама, но ты заставила. Я нашел его великолепным. Я его ждал таким. В это время пришла Соня, и я не успел его закрыть. Она пришла в восторг, повторяла: «Вот это вещь!» <...>³⁸

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 6 сентября 1914. Москва.

<...>Вечером постоянно смотрю на твой портрет и мысленно целую и обнимая, ложусь под ним спать <...> Передай Фед<ору> Конст<антиновичу>³⁹, что если у него есть Алешиных денег 300 р., то попроси выслать не меньше 150, а то тут многие пристают с уплатой. Если денег меньше, то пусть вышлет все, что есть. Не огорчайся беспорядочности письма. Крепко и сильно тебя люблю<...>⁴⁰

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 9 сентября 1914. Москва.

Моя милая! Моя дорогая! <...> Ты одна меня поняла целиком и потому, оставшись один, я очень сильно грущу и тоскую. Я теперь живу только тобой и твоей работой. Вчера были у нас Пра⁴¹ и вчера же приехали Рогозинские⁴² <...> Я так люблю оставаться один; сижу против твоего портрета и смотрю на дорогое мне лицо. В театре тоже скука и тупость. Живу мечтой о тебе <...> Передай Фед<ору> Конст<антиновичу>, что денег пока довольно и я уплачу долги Алеши, а 100 руб. пусть оставит пока у себя<...>⁴³

Е.О. Волошина – Ю.Л. Оболенской. 10 сентября 1914. Москва.

<...>Вчера была у Кандауровых и пришла к заключению, что мне там бывать не следует <...> Очень мне грустно, что хорошие, дружеские отношения наши как бы пошатнулись <...> Квартира у них со всей обстановкой прекрасная: впору только людям с хорошими средствами. В гостиной над диваном красуется Ваш портрет. Смотришь на все это и ничего не понимаешь<...>⁴⁴

Толстой – Кандаурову. 12 сентября 1914. Киев.

<...> Мне было бы гораздо легче, если бы Маргарита написала мне, что не любит, попросила бы оставить ее. Не знаю, какой властью, но я прикован к ней, я связан, я не могу жить, весь мир кажется мне пустым, и самое тягостное – неизвестность, неопределенность. Пусть она напишет серьезно и просто, если не любит, скоро ли и как, я не знаю, но, м.б. смогу повернуть на иную колею жизни. Я же знаю — ничем на свете нельзя заставить себя полюбить, любовь покрывает нас как огонь небесный. К тому же мне кажется, что я стар и безобразен и слишком смутен для Маргариты. Но, Господи, как бы я мог ее любить; но вот это самое не нужно, обычно, никому, потому что любят не за что-нибудь, а так.

Узнай что-нибудь, милый Костя, и напиши мне поскорей или телеграфируй. ⁴⁵

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 18 сентября 1914. Москва.

<...>Приехал Толстой и завтра просит меня для разговора. Я не хочу путаться, но мне невольно придется слушать все, что он будет говорить. Я почти уверен, что у Маргариты нет к нему серьезного чувства, а потому все это расстроится. Он стал невероятно худ от поездки и опять скоро поедет<...> ⁴⁶

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 21 сентября 1914. Петроград.

<...>Бедный Ямбо, если правда ты думаешь, что серьезного чувства к нему нет – вот и все к его услугам и легче ему, чем тебе быть свободным, а счастья нет. Ведь если даже она согласится, то будет ли это прочно? Она же не может этого знать. Я оттягала у Али карточки Маргариты и часто вынимаю их и смотрю. Она удивительная! Как все идет к ней, даже ее имя, которое значит: жемчужина. Более причудливого впечатления от красоты у меня не было, кажется. И невероятно фантастическое впечатление производит на меня еще эта тень сходства с тобой<...>⁴⁷

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 26 сентября 1914. Петроград.

<...>Вчера звонил нам Толстой с вокзала, Ф<едор> К<нстантинович> с ним говорил<...>⁴⁸

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 4 октября 1914. Москва.

<...>Сегодня приехал Алеша из Львова, и я был у него. Я все забываю тебе написать, что Пра переехала к Лиле Эфрон и живет рядом с Рогозинскими. Я только не знаю № дома и квартиры.⁴⁹ Алеша все спрашивал про тебя и просил тебе передать свой привет. Милая, милая, я ведь не могу жить без тебя! Пускай мы пока не будем мужем и женой, но та работа, которая нас объединяет, должна хоть временно заменить нам союз тела. Союз душ пусть крепнет, и Бог даст, мы найдем в нем смысл жизни. Опять боюсь, что не так поймешь. Ради Бога, пиши, если не поняла. Целую тебя крепко, крепко, береги себя и будь здорова. Я тебя, девчонку, тоже до глупости полюбил<...>⁵⁰

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 4 октября 1914. Москва.

<...>День 1-го октября⁵¹ провел довольно скучно: утром был у А.Толстого, а потом дома обедал и вечером в театре. Поэтому ты видишь, что день этот походил на все предыдущие<...>⁵²

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандарову. [10] октября 1914. Москва.

<...>Котя, а ты не обижаешься, что я рисую тебе картинки, как Толстой Марьяне? Ты мне так сурово написал: «не считай меня за ребенка», так и вижу твой строгий мужественный вид и осанку – точь в точь эскиз портрета, присланный тебе мною. Целую, солнышко! ⁵³

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 13 октября 1914. Петроград.

<...>Фе<дор> К<онстантинович> очень просит тебя сообщить адрес Маргариты Павловны, т.к. готовы ее фотографии и ему хочется ей послать. Некоторые снимки плохи, а два хороши, он эти два и напечатал. Какая она красивая и как похожа на тебя. Рисуя твое лицо, особенно ясно вижу это<...>⁵⁴

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 21 октября 1914. Петроград.

<...>У меня перед обедом была С. Толстая. Она решила обходить знакомых художников. Она выглядит и чувствует себя лучше, была веселая, смотрела мои работы. В «Винограде» ей очень понравился именно виноград – зелень, а небо она нашла не в тон (смотрела вечером с огнем). Особенно ей понравился пейзаж для Ф<едора> К<онстантиновича>, краски которого она находит для меня наиболее характерными – и фигура тети из двойного портрета, в кот<ором> она нашла сезанновский подход в характеристике. Так она, по крайней мере, говорила. Больше у меня нечего было показать – я ей первой после Ф<едора> К<онстантиновича> показывала «Виноград». Она теперь пойдет к Жуковой⁵⁵, Лермонтовой⁵⁶ и Магде⁵⁷ смотреть, что сделали они<...>⁵⁸

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 23 октября 1914. Петроград.

<...>Завтра ко мне придет Софья Исааковна со своей картиной, кот<орую> ей нужно подмазать пастелью, а у нее нет, и она будет поправлять у меня. Когда она позвонила по телефону, вышло очень забавно, т.к. я на вопрос «дома ли Ю<лия> Л<еонидовна>» не своим голосом спросила – «а кто спрашивает?» и тут же на месте узнав, кто – я превратилась в Юлию Леонидовну. Дело в том, что я спасаюсь от покушений ВОХа,⁵⁹ т.к. по слабости характера могу уступить, а ни за что не хочу. И поэтому я действительно вроде какой-то гусеницы, притворяющейся мертвой<...>⁶⁰

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 25 октября 1914. Петроград.

<...>Вчера я пошла к Званцовой, где был и Петр<ов>-Водкин и вернулась с пустой головой. Кузьма весел, рассказывал о своей дружбе с какой-то старухой, и это было любопытно, а, в общем, скучно. Он уже откуда-то знает о Толстых. Надеюсь, они не подумают на меня? Ждала Софью Ис<ааковну>, но она что-то не пришла<...>⁶¹

Ю.Л. Кандауров – К.В. Оболенской. 7 ноября 1914. Москва.

Милая, милая! Только что получил твое письмо и ты меня прости, если я откровенно тебе скажу, что оно произвело на меня гнетущее впечатление. Оно холодно! <...> Детка, детка, как сложна жизнь и ее устройство! Боже мой, как я страдаю за тебя и за все наше дело. Лучше все отложим до нашего свиданья и поговорим спокойно. Если все поладим и уладим, то тогда откликнешься на просьбу Алеши написать ему портрет Маргариты. Ящика не бери, т.к. палитры и немного кистей у меня есть. Скорей бы прошла разлука, и я бы увидел тебя – мою дорогую Юлю<...>⁶²

К.В. Канадуров – Ю.Л. Оболенской. 8 ноября 1914. Москва.

<...>Я начинаю приходить к убеждению, что глуп, как кочан капусты. Сегодня меня догонял во дворе Алеша и кричал: «Стой, садовая голова!» Это все же выше капусты. Близость свидания меня радостно волнует и я жду с волнением<...>⁶³

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 9 ноября 1914. Петроград.

<...>Я так люблю, когда милые голубые глаза смотрят на мой холст, как хорошо! Все сразу узнают, вот и Толстая сразу отличила этюд для Ф<едора> К<онстантиновича> (повторение твоего) с голубой полынью, сказав, что это для меня самое характерное, а таким оказывается всегда то, что я пишу для тебя. Ведь и Судейкин на жюри из всех работ нашей школы выбрал тогда один твой этюд. Мое солнышко, радостных снов и счастливой жизни. Сны-то – Бог с ними – лучше жизнь<...>⁶⁴

К.В. Канадулов – Ю.Л. Оболенской. 30 ноября 1914. Москва.

...Милая! Милая! Все в тебе сплелось в дивной и звучной гармонии. Пока прошу работать и быть покойной за мою любовь к тебе. Бог даст мне сил показать на деле то, что у меня на душе <...> Сижу в театре и читаю пьесу Алеши⁶⁵. Прочел два акта и нашел их очень хорошими и, если так будет дальше, то пьеса прекрасна. Целую тебя без счета<...>⁶⁶

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 2 декабря 1914. Москва.

<...>Прочел пьесу Алеши. Очень торопливая вещь и особенно два первых акта. Второй акт происходит в окопах, где солдаты говорят с офицерами; этот акт очарователен, чего не могу сказать про последний, т.к. конец запутан и скомкан. Мне кажется, что несмотря на свою трудоспособность, он устает к концу и становится вялым. Мне ужасно жаль – я искренно люблю его и его талант<...>⁶⁷

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. [Декабрь] 1914. Петроград.

<...>Если будешь у Пра, напиши, о чем с ней говорили, или просто, как ей живется и что делается в милом обормотнике. Я целую их всех, но ты лучше передай это на словах. Снег метется, метется за окном, кружит, кружит, и я все думаю, думаю, думаю. Передай привет Толстому. Рада, что хороша его пьеса. В Москву поехала Вера Лермонтова и хочет в балет. Она взяла у меня портрет Маргариты⁶⁸. А что ты сделал с теми, что я прихватила? <...>⁶⁹

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 15 декабря 1914. Москва.

Милая и дорогая Юля! Сегодня день радостей: солнце светило ярко, был у Алеши, был в обормотнике, где ел чудесные лепешки, из Питер-града получил хорошее письмо, а дома сюрприз от Ан<ны> Вл<адимировны>, которая тайком окантовала дорогие наброски акварелью.⁷⁰ Как хорошо! И в театре, кажется, веселье! Радость и одна радость наполняла сегодня весь день. Я ужасно рад, что ты ищешь в живописи радости. Я не понимаю мрачное искусство – искусство должно нести радость жизни. Бросать свет в темноту. Как я счастлив сегодня! <...> Когда будешь в Москве, то будешь писать портрет Маргариты и это, чем скорей, тем лучше. Очень прошу не отказываться, т.к. многим доставишь этим большую радость<...>⁷¹

Е.О. Волошина – Ю.Л. Оболенской. 15 декабря 1914. Москва.

<...>Утром к нам заходил Толстой с К<онстантином> В<асильевичем>, у нас обедали, чай пили. К<онстантин> В<асильевич> был в духе, весел, объявил, что 22/ХІІ (кажется, не вру) едет в Питер <...> Ан<ну> Вл<адимировну> я видела в опере, наши ложи были рядом. Мы только подали друг другу руки. Вид у нее цветущий. Мне очень жаль, что я так редко встречаюсь с Кандауровым, а потому не могу время от времени давать Вам о нем сведения<...>⁷²

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 16 декабря 1914. Петроград.

<...>Котик, а где же мне писать Маргариту – в оборотнике тесно в моей бывшей комнате. И станет ли сидеть она? Кто вообще интересуется этим портретом, кроме тебя? Я потому спрашиваю, что прошлый раз вышла чепуха. Милый дружок, зачем посторонние приводят в порядок мои работы? Кроме тебя, никто этого делать не должен. Не сердись на меня за это <...> А хороши ли были лепешки у Пра? Это из отрубей, Котик, вот ты их и попробовал! <...>⁷³

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 14 декабря 1914. Петроград.

<...>Как поживает Пра и что Толстой? О чем говорили? <...> Котя, если писать Маргариту, то придется долго – согласится ли она? А скоро я не могу отделаться. Отчего ты снова заговорил об этом портрете? Когда приедешь, устрою тебе елку, хорошо? <...> Сейчас прерывала письмо, т.к. за чаем был у нас один слепой немец, у кот<орого> сын в немецком плену, а сам он расстраивается по поводу травли «Нов<ым> Временем» прибалтийских немцев, т.к. чувствует себя горячим русским патриотом. По-русски еле говорит, и жаль мне его было смертельно. Много незаслуженного оскорбления может произойти для отдельных лиц. Вот – сын в русской армии был<...>⁷⁴

Е.О. Волошина – Ю.Л. Оболенской. 30 декабря 1914. Москва.

<...>Меня на днях ошарашил Алехан в коридоре нашего оборотника, куда вызвал и сообщил, что любит Тусю Крандиевскую, любит давно и т.д. и т.д. Я в тот вечер не поверила ему, думала, шутит, но дней через несколько он опять пришел уже ночью и целых 2 часа объяснял мне очень туманно и красиво, как все это в нем произошло. Разумеется, я его не обвиняю, но все прежнее обаяние его любви рассеялось. Померк ореол молодой, красивой, всепоглощающей влюбленности. И что он нашел в Тусе? Говорит, что мы все не знаем, не понимаем ее. Говорит, что у нее только внешность *articles de Paris*,

как я ее называю, что этой внешностью она только прикрывается. Дай Бог<...>⁷⁵

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 1 января 1915. Петроград.

<...>Я вечером еще получила письмо от тебя – у тебя твой брат. Когда и надолго ли приехал?⁷⁶ Отчего вы обо мне говорили – он знает обо мне или просто видел живопись? <...> Котик, ты ничего не знаешь о Толстом? Я слышала что-то странное о нем, ну, все равно<...>⁷⁷

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 4 января 1915. Москва.

<...>Что же касается друзей, то я их не жалею, т.к. истинный друг не отойдет из-за пустяков. Вот Толстой. Это дело другое. Он меня не знал и не знает, т.к. прячется и бежит от меня. Пускай женится на ком хочет! Разве это мое дело? Я только могу порадоваться за Маргариту. Конечно, ему стыдно передо мной за те слова, которые говорил. Но я бы, если бы любил друга, не поступил бы так. Мне жаль его, т.к. он мог в это время стать крупным человеком, а он стал размениваться на мелочи. Бог с ним<...>⁷⁸

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 6 января 1915. Москва.

<...>Теперь достоверно могу сказать, что Толстой женится на Волкенштейн⁷⁹, урожденной Крандиевской. Может, ты ее видела у Эфрон под именем Туси. Сейчас Маргариточка в театре и просит тебе передать привет и поклон. Она спрашивает, скоро ли ты приедешь в Москву? Девочка она молодец! Алексея мне очень жаль, а почему расскажу при свидании <...> Еще три недели и я опять увижу тебя, моя радость! <...>⁸⁰

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 6 января 1915. Петроград.

<...>Ты значит, уже знаешь о Толстом? От кого? Тогда ты понял, отчего у меня было гадкое настроение. Боже мой, какая, помимо всего, художественная бестактность, безвкусице. Человек может и полюбить, и

разлюбить, но зачем были возвышенные слова, если от каждой юбки, ну Бог с ним. Он сам тебе сказал? В дружбу тогда можно верить столько же. Ты пиши мне, Котик, подробнее, я чувствую, что ты видишь каких-то людей, говоришь с ними, а мне забываешь сказать<...>⁸¹

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 7 января 1915. Москва.

<...>Толстой пропал, и я его около месяца не вижу. Видимо, избегает меня. Бог с ним! Мне только очень жаль, что он не работает и теряет время. Я был убежден, что он воспользуется таким интересным временем и создаст сильную и прекрасную вещь, которая возвысила бы его над общим уровнем. Мне искренно жаль его и его безалаберную натуру<...>⁸²

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 8 января 1915. Петроград.

<...>Как ты уверенно пишешь: «Т. женится на Тусе» – да пока она разведется, он успеет сделать предложение жене Вяч. Иванова – впрочем, дай Бог ему счастья, конечно. «Тусю» я знаю, т.к. училась с ней у Бакста. Она – после Маргариты – как это плоско. Можно любить кого угодно, но продавать мечту и так дешево. И что за отношение к человеку – сделать свою любовь достоянием всей Москвы и так кончить. Ну, молчу. Меня это ранило. Маргариточке кланяйся. За нее можно только порадоваться, она дороже стоит и не всякому ценить<...>⁸³

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 10 января 1915. Москва.

<...>Получил от А.Толстого книгу его о войне с надписью: «Косте Кандаурову неизменно любящий А. Толстой»⁸⁴. Я его еще не видел и вряд ли скоро увижу <...> Если выставка будет хорошая, то буду работать и дальше, если же выйдет неудачно, то устраиваю в последний раз. Будь здорова и храни тебя Бог! Спи спокойно и если увидишь сны, пиши<...>⁸⁵

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 11 января 1915. Москва.

<...>Обормотник разбежался и осталась одна Пра. Я еще не решился у них побывать, но теперь думаю, что в среду пойду. Очень буду глупо себя чувствовать по поводу истории с Толстым<...>⁸⁶

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 21 января 1915. Москва.

Здравствуй, светленькая! С добрым утром! <...> У нас много курьезов и скандалов среди художников. Сарьян пропал с нашего горизонта. От Федорыча⁸⁷ писем нет, и я писал Жозефине Густавовне⁸⁸, надеясь получить хоть от нее вести о шкелетине <...> Скоро увидимся, моя деточка и все подробно расскажу. Алексея не видал. У Пра был пять минут, т.к. она собиралась к доктору. Будь умницей и веди себя хорошо. Люби меня и будь счастлива<...>⁸⁹

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 21 января 1915. Петроград.

<...>Сейчас ко мне звонила Софья Исааковна, спрашивала твой адрес, о котором я понятия не имею. Она собирается зайти и по голосу слышу, что ей хочется поболтать о казусе с Ал<ексеем> Н<иколаевичем>. Мне немного неприятно, т. к. чувствую, что все направленное в его огород будет метиться и в твой, т. к. по твоим словам она смотрит на ваши увлечения одинаково и значит в моем лице немножко хочет отомстить Маргарите. Но я этого не пойму<...>⁹⁰

Е.О. Волошина – Ю.Л. Оболенской. 21-22 января 1915. Москва.

<...> В каждом слове Вашем свет любви и меркнет перед этим светом любовь ответная ей, которую вы же сами определяете словами: «от К<онстантина> В<асильевича> я ничего, кроме хорошего, не видела и было бы мучительно, если бы, не зная этого, его кто-нибудь за меня винил». Винить в этом нельзя, пожалуй можно: он умалился, Вы выросли, и никто тут не виноват ни в чем. Он был у меня на днях утром, но я спешила к доктору <...> и поговорить хорошенько, толком нам не удалось, к сожалению. Мое хорошее отношение к нему как бы умалилось за последнее время, но вероятнее всего я

сама тут виновата: слишком я идеализирую и много требую от любимых людей, вместо того, чтобы принимать их со всеми недостатками, присущими каждому человеку, с себя начиная. В особенности, если есть что другое, покрывающее недочеты эти с избытком.

Мы также все, в особенности Лиля, были очень огорчены изменой Алехана своей лучезарной любви к Маргарите, но писать об этом пришлось бы много и долго, а мне не хочется уже писать<...>⁹¹

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 23 января 1915. Москва.

<...>Спасибо, золотая, за сердечные письма <...> Не болтай о нас с Соф<ьей> Исаков<ной>, т. к. она может переиначить и не так понять, как нужно. Выйдет из этого только одна ерунда<...>⁹²

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 24 января 1915. Москва.

Моя дорогая детка! Ты дала Соф<ье> Ис<ааковне> неверный адрес. Мой адр<ес>: Большая Дмитровка, д. 9. кв. 58. Что ты с ней говорила? Не болтай откровенно, т. к. все могут переиначить. Я теперь вожусь с выставкой в пользу бельгийцев. Очень много возни с комитетом, т. к. они все путают и не знают, что решить. Мне приходится им все подсказывать <...> Выставка будет любопытная, т.к. участвуют разношерстная компания <...>⁹³

К.В. Оболенская – Ю.Л. Кандаурову. 24 января 1915. Петроград.

<...> С чего ты решил, что я буду говорить о вас Софьей Ис<ааковной> – я ничего и не знаю о вашей общей жизни. О тебе я вообще с ней не говорю – я не близка с ней и ни во что ее не посвящала. Если бы она со мной заговорила о тебе – чего не будет – я сумела бы ответить, чтобы не повредить тебе – так что будь покоен. Но я уверена, что она не заведет речи – я говорила ведь только о мыслях, какие у нее будут. Я же знаю, что она не может мне сочувствовать и

потому подавно никаких разговоров бы не допустила, т. к. их передадут. Будь покоен <...>⁹⁴

Ю.Л. Оболенская – К.В. Кандаурову. 24 января 1915. Петроград.

Котик, вчера была у Софьи Исааковны. Ты поручил ей пригласить на твою выставку кой-кого, причастных «Миру Иск<усства>», которая будет здесь 23 февраля. Она спрашивает, наверное ли и когда будет твоя выставка, т. к. в случае совпадения с «М<иром> И<скусства>» многие будут лишены возможности участвовать у тебя; а те, кто желает выставлять во что бы то ни стало, могут остаться не при чем, если ты передумаешь и не устроишь.⁹⁵ Можешь ответить на это ей, если хочешь, хотя лучше и мне знать – на случай вопросов. Меня выставка интересует лишь как твоя деятельность. Вот все, что мы о тебе говорили. Не тревожься – я не спрашивала ее о твоей жизни и она ничего не спрашивала, а говорила о своей. Она даже подчеркнуто игнорировала мое чувство, т. к. советовала «никогда не любить и не выходить замуж»; это было явное издевательство – ну Бог с ними, пусть издевается, кто хочет. Я не ответила ничего, как ты просил. Надо бы собственно избегать друзей твоей жены, но С<офьи> И<сааковны> многие стали избегать по совсем другой причине и я не хочу быть смешанной с теми людьми – это было бы ужасно <...> Я вовсе не давала С<офье> И<сааковне> твоего адреса, т. к. никогда его не знала и не знаю – она написала по своей памяти. Пожалуйста, перестань тревожиться, я могу повторить все, что говорила – это были воспоминания о «Тусе» и т. п. <...> Как ты боишься сплетен С<офьи> И<сааковны>! Что же я могла бы сказать такого, что тебе повредит? Всем же ясно, что у тебя осталась только дружба. Ну, дружок, целую тебя, дорогой мой. Будь здоров и счастлив <...>⁹⁶

К.В. Кандауров – Ю.Л. Оболенской. 26 января 1915. Москва.

Светленькая! Что это ты затуманилась? Что случилось? Я несколько не боялся и не боюсь сплетен, но просто мне было досадно, если бы ты говорила с человеком, который нам не сочувствует. Я люблю говорить с теми, которые

относятся к нам тепло и понимают нас, а с другими не говорю, т. к. противно, когда чужие копаются в моей душе. Ты не поняла и иногда не понимаешь меня. Относительно твоего отношения к Соф<ье> Ис<ааковне> – я вполне одобряю. Кому ясно, что у меня к тебе осталась только дружба? <...> Хочу подойти к тебе весь целиком и свободным. Я хочу насладиться полным счастьем, не мучить тебя и всех, кто тебя и меня любит. Об этом мы поговорим лично <...>⁹⁷

В заключение приведем единственное письмо Оболенской Толстому, вернее, его черновик, написанный, видимо, незадолго до конца Великой Отечественной войны:

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Если Вы еще помните беспечные коктебельские дни и «золотую улыбку» «дяди Кости» Кандаурова, то, м<ожжет> б<ыть>, вспомните и меня, Ю.Л. Оболенскую, которую Вы когда-то называли Юленькой. Вернувшись из-за границы, Вы посетили нашу квартиру (по ул. Горького 46 б, кв. 8) и любовались нашей обстановкой, находя и ее, и нашу жизнь в СС<С>Р прекраснее жизни на западе.

В настоящий момент эта обстановка под угрозой гибели: временные жильцы вбивают гвозди в красное дерево, пользуются. В большой опасности коллекции рисунков К.Ф. Богаевского, работы Сапунова, Водкина и др., переписка, книги. Мне самой приходится ютиться на чужих койках в тяжелых условиях и непрерывной тревоге, т<ак> к<ак> после эвакуации не могу добиться прописки. В Москве полным ходом идет художеств<енная> жизнь. У меня огромное желание работать творч<ески>, и мне со всех сторон предлагают интересную работу, нужную для государства. В Иванове эта жизнь еле теплится и делать там мне абсолютно нечего.

А<лексей>Н<иколаевич>, Вы пользуетесь большим влиянием. Окажите мне помощь в деле прописки (нужно разрешение Моссовета). Не ради меня, а ради памяти Конст<антина> Вас<ильевича> и для спасения культурных ценностей.

Неизвестно, было ли отослано это письмо. Но вернуться в свой дом Юлии Леонидовне удалось.

¹ См. об этом подробнее: Алексеева Л.А. Цвет винограда. О Юлии Оболенской и Константине Кандаурове. TSQ №№ 29, 32, 35, 43//<http://www.utoronto.ca/tsq/fromtheeditors.shtml>

² Ю.Л. Оболенская. Материалы к биографии К.В. Кандаурова. Черновики <Отрывки из воспоминаний>/ Вступительная статья и публикация Г.Н. Кирьянова // А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А.Н. Толстой и его литературное окружение). М., 2002. С. 201-210.

³ РГАЛИ. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 1.

⁴ Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: 1946-1953. Т. 15. С. 327.

⁵ ГЛМ. Книжные фонды. № 106028

⁶ Варламов А.Н. Алексей Толстой. Биография. М.: 2009. С. 174.

⁷ РГАЛИ. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 241. Лл. 1-6.

⁸ Толстой А.Н.. Полн. собр. соч. Т. 15. С.327.

⁹ Купченко В.П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества: В 2 т. СПб.: 2002. Т. 1. С. 271.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 1.

¹¹ А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: 1985. С. 308.

¹² Там же. С. 321.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 81.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 108. Лл.14,15.

¹⁵ ОР ГТГ. Ф. 5. Д. 979. Л. 2.

¹⁶ ОРФ ГЛМ. Ф. 348. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 16 об.

¹⁸ Марина Ивановна и Анастасия Ивановна Цветаевы.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп 1 Д. 7. Лл. 77-78.

²⁰ Волошин Максимилиан. Собрание сочинений. Т.10. М.: 2011. С. 265.

²¹ Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: 1982-1986. Т. 5. С. 98.

²² РГАЛИ. Ф. 2080. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 81.

²³ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1020. Л. 1об.-3.

²⁴ Переписка А.Н.Толстого. В 2-х т. Т.1. М.: 1989. С. 212.

²⁵ ОРФ ГЛМ. Ф. 348. Оп. 1. Д. 7. Л. 14 об.

²⁶ Толстой А.Н. Указ. соч. Т. 11. С. 115.

²⁷ Там же. С. 150.

²⁸ Там же. С. 117.

²⁹ Толстой А.Н. Указ. соч. Т. 11. С. 135.

³⁰ Переписка А.Н. Толстого. Т.1. С. 216.

³¹ Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.:1915. На войне. С. 5.

³² ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 246. Лл.1-2.

³³ Там же. Ед. хр. 249. Л. 2.

³⁴ Там же. Ед. хр. 256. Л. 1.

³⁵ Там же. Ед. хр. 258. Лл. 1-2.

³⁶ Там же. Ед. хр. 259. Лл. 1-2.

³⁷ Речь идет о работе Оболенской «Автопортрет в красном» (1914). В своих воспоминаниях С.И. Дымшиц-Толстая пишет, как в первое свое лето в Коктебеле она позировала поэтам в серебряном венке и синем платье, полулежа на фоне моря и голубых гор, а они «соревновались» в написании ее поэтического портрета. Лучшим из них оказалось стихотворение Толстого, которое с посвящением жене он включил в свой поэтический сборник «За синими реками» (1911). Автопортрет Оболенской в красном платье – живописная рифма «голубому» периоду Коктебеля и яркий знак его «огненного» периода. «Переехав» из Петербурга в Москву, он неизбежно привносил в кандауровский дом непокой затаившегося вулкана.

- ³⁸ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 260. Лл.1-2.
- ³⁹ Радецкий Федор Константинович (1873-около 1943), юрист, статский советник; близкий человек матери художницы, Е.И. Оболенской (1852-1937); проживал вместе с ними.
- ⁴⁰ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 265. Лл.1-2.
- ⁴¹ Волошина (Кириенко) Елена Оттобальдовна (1850-1923), мать М.А. Волошина.
- ⁴² Рогозинский Владимир Александрович (1882-1951), инженер-архитектор.
- ⁴³ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 266. Лл.1-2.
- ⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп.1. Ед. хр. 21. Лл.2-3.
- ⁴⁵ Переписка А.Н.Толстого. Т.1. С. 216.
- ⁴⁶ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 273. Лл.1-2.
- ⁴⁷ Там же. Ед. хр. 1029. Л. 2об.
- ⁴⁸ Там же. Ед. хр. 1035. Л. 2об.
- ⁴⁹ Е.О. Волошина останавливалась в одной из комнат большой квартиры на Молчановке, 2, где с друзьями проживали Вера и Лиля Эфрон. Шумных обитателей квартиры и их гостей она называла «обормотами», а место их пребывания – «обормотником». В этой же квартире коротко пребывала и Ю.Л. Оболенская во время своих приездов в Москву.
- ⁵⁰ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 289. Лл.1-2.
- ⁵¹ День рождения К.В. Канадунова.
- ⁵² ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л.1.
- ⁵³ Там же. Ед. хр. 1052. Л. 3.
- ⁵⁴ Там же. Ед. хр. 1054. Л. 3.
- ⁵⁵ Жукова Вера Ивановна (1880- не ранее 1918), художница, соученица Ю.Л. Оболенской по школе Е.Н. Званцевой.
- ⁵⁶ Лермонтова Надежда Владимировна (1885-1921) художница, соученица Ю.Л. Оболенской по школе Е.Н. Званцевой.
- ⁵⁷ Нахман Магда Максимилиановна (конец 1880-х-начало 1890-х -1950), художница, подруга Ю.Л. Оболенской.
- ⁵⁸ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1064. Л. 1-2.
- ⁵⁹ ВОХ – аббревиатура художественного объединения; предположительно, вариант названия Нового общества художников, существовавшего в Петербурге в 1903-1917 гг.
- ⁶⁰ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л.2об. -3.
- ⁶¹ Там же. Ед. хр. 1068. Л. 2-2об.
- ⁶² Там же. Ед. хр. 322. Л.1-2.
- ⁶³ Там же. Ед. хр. 323. Л. 2.
- ⁶⁴ Там же. Ед. хр. 1091. Л. 2-2об.
- ⁶⁵ Предположительно, «День битвы» (1914), законченную примерно к этому времени.
- ⁶⁶ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 327. Лл.1-2.
- ⁶⁷ Там же. Ед. хр. 329. Л.2.
- ⁶⁸ Речь идет, вероятно, о фотографическом портрете, сделанном К.Ф. Радецким в Коктебеле.
- ⁶⁹ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1097. Л. 2об.
- ⁷⁰ Наброски Ю.Л. Оболенской, которые она посылала К.В. Кандаурову в письмах.
- ⁷¹ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 343. Лл. 1-2.
- ⁷² РГАЛИ. Ф. 2080. Оп.1. Ед. хр. 21. Лл.4-5.
- ⁷³ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1111. Л. 2-3.
- ⁷⁴ Там же. Ед. хр. 1112. Л. 2-3.
- ⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп.1. Ед. хр. 21. Л. 7.
- ⁷⁶ Кандауров Леонид Васильевич (1877-1961), проживал с семьей в Твери.
- ⁷⁷ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1127. Л. 2.
- ⁷⁸ Там же. Ед. хр. 359. Лл. 1об.- 2об.
- ⁷⁹ Волькенштейн, урожд. Крандиевская Наталия Васильевна (1888-1963) – третья жена А.Н. Толстого.
- ⁸⁰ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 2.
- ⁸¹ Там же. Ед. хр. 1133. Л. 2-2об.
- ⁸² Там же. Ед. хр. 361. Л. 1.
- ⁸³ Там же. Ед. хр. 1136. Л. 2.

-
- ⁸⁴ Толстой А.Н. Собр. соч.: В 10 т. М.: 1912-1918. Т. 6. На войне. На авантитуле черными чернилами автограф: «Милому Косте Кандаурову с неизменной любовью гр. А.Н. Толстой 9 янв. 1915 г.» (ГЛМ. Книжные фонды. № 105160).
- ⁸⁵ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Ед. хр. 365. Л. 2.
- ⁸⁷ Богаевский Константин Федорович (1872-1943), художник.
- ⁸⁸ Богаевская Жозефина Густавовна (1877-1969), жена К.Ф. Богаевского.
- ⁸⁹ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 375. Лл. 1-2.
- ⁹⁰ Там же. Ед. хр. 1151. Лл. 1- 2.
- ⁹¹ РГАЛИ. Ф. 2080. Оп.1. Ед. хр. 21. Лл. 13об.-14.
- ⁹² ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 2.
- ⁹³ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 378. Лл. 1-2.
- ⁹⁴ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1155. Л. 2.
- ⁹⁵ Речь идет о выставке живописи «1915 год», подготовленной и открытой Кандауровым в Москве 26 марта 1915 года. На выставке были представлены три работы С.И. Дымшиц-Толстой: «Портрет», «Натюрморт» и «Аквариум».
- ⁹⁶ ОР ГТГ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 1156. Лл. 1-2.
- ⁹⁷ Там же. Ед. хр. 380. Лл. 1- 2.
- ⁹⁸ ОРФ ГЛМ. Ф. 348. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.